

Е. В. Загороднева
Липецк, Россия

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ГЕНДЕРНО МАРКИРОВАННОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА КАК НОСИТЕЛЬ АНДРОЦЕНТРИЧНОСТИ

В работе исследуется внутренняя форма фразеологической единицы как носитель гендерной семантики. Доказывается, что внутренняя форма может быть как гендерно маркированной, так и нейтральной, однако способной в ряде контекстов реализовать гендерно маркированное значение фразеологической единицы. Внутренняя форма опирается на натуромерное, артефактное и антропомерное образное основание. В работе выделяются типы гендерной маркированности фразеологической единицы и доказывается андроцентрический характер фразеологии французского языка.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *фразеологическая единица, внутренняя форма, фразеологическое значение, гендерная маркированность, андроцентричность*

E. V. Zagorodneva
Lipetsk, Russia

THE INNER FORM OF A FRENCH GENDER MARKED PHRASEOLOGICAL UNIT AS A CARRIER OF ANDROCENTRICITY

The article examines the inner form of a phraseological unit as a carrier of gender semantics. It is proved that the inner form can be gender-marked or neutral, but capable to realize the gender-marked meaning of a phraseological unit in several contexts. The inner form can be based on a natural-dimensional, artifact and anthropometric figurative basis. The article highlights the types of gender marking of the phraseological unit and proves the andropocentric nature of the phraseologie of the French language.

К e y w o r d s: *phraseological unit, inner form, phraseological meaning, gender marker, androcentricity.*

Внутренняя форма фразеологической единицы (далее ФЕ) – это, несомненно, базис, на котором строится ее семантика, это некий образ, который мотивирует значение ФЕ, делает его прозрачным и читаемым для носителя языка. Еще А. А. Потебня исследовал взаимосвязь внутренней формы и этимологического значения языковых единиц [1, с. 102]. В современном языкознании исследованию этой проблемы на разном языковом материале посвящены работы Кунина А. В., Телии В. Н., Баранова А. Н., Добровольского Д. О., Масловой В. А., Кириллиной А. В., Жуйковой М. В., Зыковой И. В., Золотых Л. Г., Гогичева Ч. Г. и многих других.

Однако проблема внутренней формы и взаимосвязи ее с семантикой ФЕ еще далека от своего полного разрешения. В рамках данной статьи в фокус нашего научного интереса попадает исследование внутренней формы ФЕ

французского языка с точки зрения формирования его андроцентричности, то есть оязыковлениа представлений о мире с позиции мужской перспективы, когда некой точкой отсчета выступает не человек вообще, а именно мужчина.

ФЕ есть единица образной (вторичной) номинации, прагматика создания которой состоит прежде всего не в номинации чего-либо, а в выражении отношения к называемому, то есть превалирующим в большинстве случаев становится именно коннотативный, а не сигнификативный или денотативный аспект фразеологического значения. В процессе фразеологизации ведущая роль принадлежит метафоризации, суть которой – антропометричность, проявляющаяся в том, что человеку привычнее и удобнее классифицировать и осмыслять объекты окружающего мира через самого себя, свое тело, свое непосредственное окружение. В результате этого ФЕ оказывается антропоцентричной. В то же время эта антропоцентричность зачастую проявляет себя именно как андроцентричность (*andros* ‘мужчина’, греч.).

Мы исследовали именно гендерно маркированные ФЕ французского языка, в них изучение внутренней формы становится особенно актуальным. Под гендерно маркированными ФЕ мы понимаем такие ФЕ, план выражения и/или план содержания которых содержит гендерные маркеры, а именно прямые либо косвенные указания на объекты, связанные с полем маскулинности или фемининности. Как правило, в основе семантики таких ФЕ лежит прозрачная внутренняя форма, раскрывающая либо натуромерное, артефактное, либо антропомерное образное основание, входящее в свободное словосочетание. Н. Н. Кириллова называет это не свободным, а атомарным словосочетанием, префразеологической ступенью, закладывающей первые признаки будущей семантической целостности ФЕ, лексемная структура которой предопределена сформировавшимися в сознании народа установками [2, с. 131].

Так, лексема *boeuf* ‘бык’, употребляемая в переносном значении, может обозначать во французском языке как сильного, крепкого, здорового мужчину, способного выполнять тяжелую физическую работу, так и глупого, управляемого человека: *fort comme un boeuf* ‘силен как бык’ [3]. Данная лексическая единица в составе ФЕ накладывает жесткие ограничения на пол референта и не используется по отношению к женщине. В то же время лексема *boeuf* ‘бык’ имеет близкую, синонимичную по некоторым параметрам лексему *taureau* ‘бык’: *fort comme un taureau* ‘силен как бык’ [3], обозначающую тот же самый вид домашнего животного. Однако у французов именно представление о быке (*taureau*) предопределяет целостную фразеологическую семантику таких ФЕ как: *prendre le taureau par les cornes* ‘брать быка за рога’ и *taureau de combat* ‘бык для битвы, вояка’ [3]. Таким образом, внутренняя форма ФЕ с лексемой *boeuf* ‘бык’ основывается на представлении о том, что *boeuf* ‘бык’ *bovidé castré pour les travaux des champs ou pour la nourriture* [4] – это домашнее крупное кастрированное рогатое животное,

выращиваемое либо для работы, либо в пищу человеку, в то время как значение лексемы *taureau* ‘бык’ ‘*mâle non castré d’espèce bovine spécialement sélectionné et élevé pour la corrida ou pour être reproducteur*’ [4] означает домашнее крупное рогатое не кастрированное животное, специально выводимое и выращиваемое для корриды или в качестве быка-производителя. Соответственно, образное, метафорическое переосмысление атомарных или свободных словосочетаний, подвергающихся фразеологизации, находится в непосредственной зависимости от признаков, составляющих внутреннюю форму компонентов.

Итак, нами было установлено, что в основе гендерно маркированных ФЕ лежат преимущественно три вида метафор: натуромерная, артефактная и антропомерная. Мы пришли к выводу, что самой высокой степенью гендерной маркированности обладают ФЕ, образованные на основе антропомерного (образного) метафорического переноса, поскольку гендерные маркеры обнаруживаются как в плане выражения, так и в плане содержания, а внутренняя форма лексем-компонентов и всей ФЕ создают андромаркированную семантику ФЕ. В случае переосмысления образа, содержащего соматические, зооморфные или артефактные компоненты, гендерно немаркированная структура создает гендерно маркированную семантику.

Так, натуромерное образное основание подкрепляется соматической метафорой или метонимией (*vieille barbe* разг. ‘старикашка’, ‘старый хрыч’, ‘старик’) [3], основанной на природных, биологических данных человека, а также при помощи фразеологизации свободных словосочетаний, в состав которых входят лексемы, называющие представителей животного мира (*coq de paroisse / du village* ирон. ‘первый парень на деревне’, *ce n’est pas à la poule à chanter devant (avant) le coq* пров. ‘курице не след петь петухом’; ‘жена должна слушаться мужа’), растительного мира (*cueillir la rose* ‘сорвать цветок невинности’, *fleur des pois* разг. ‘франт’, ‘щеголь’; *beau comme un melon* иногда ирон. ‘хорошо одетый, элегантный мужчина’), объектов живой и неживой природы (*solide comme un roc / comme du roc* ‘крепок как дуб’, буквально: как скала) [3]. Сами эти номинации объектов живой и неживой природы – гендерно нейтральны, но при совмещении двух картин и наложения характеристик вершинной лексической единицы на объект, называемый ФЕ, происходит формирование гендерно маркированной семантики. Например, лексема *loup* ‘волк’ является вирильным образом, связываемым во французском языковом сознании с маскулинностью. Поэтому ФЕ *il / elle a vu le loup* (буквально: он / она видел(а) волка) имеет принципиально разное значение в зависимости от пола референта. Так, в отношении к мужчине данная ФЕ будет обозначать быть опытным, смелым человеком, в отношении же к женщине – ‘вступить в интимную связь с мужчиной, перестать быть девушкой’.

Анализ натуромерного образного основания показал, что гендерно маркированная семантика и андроцентричность ФЕ формируются, если в состав ФЕ входят лексемы, называющие первичные или вторичные

половые признаки, а также зооморфные лексемы, ассоциируемые в языковом сознании французов с образом мужчины. Зачастую андроцентричность ФЕ формируется как бы от противного, то есть когда вершинной лексемой ФЕ является лексическая единица, метафорически связываемая с образом женщины (*chasser le gibier* прост. 'гоняться за женщинами' [3]).

Аналогичные выводы можно сделать, исследуя ФЕ с артефактным образным основанием. Наиболее многочисленными здесь являются лексемы, называющие разные виды одежды (*renoncer à la soutane* 'отказаться от духовного звания', *ne rien avoir dans la culotte (le pantalon, le slip)* 'быть трусливым, мягкотелым' (о мужчине) [3] и предметов, орудий, соотносимых с мужской и женской деятельностью. Причем, подобно ФЕ с соматическим компонентом, ФЕ с артефактным основанием образуются в подавляющем большинстве случаев не при помощи фразеологической метафоризации, но метонимизации. Таким образом, номинация предмета быта, одежды, оружия или орудия труда позволяет создать буквально читаемую внутреннюю форму словосочетания, мотивирующую внутреннюю форму ФЕ. ФЕ этой группы демонстрируют андроцентричность и непосредственно относятся к референту-мужчине. Однако некоторые ФЕ могут относиться и к референту-женщине, но в этом случае они имеют более узкое значение. Так, ФЕ *cordon bleu* (буквально: знак отличия, голубая лента) в отношении к мужчине обозначает признанного мастера в любой области деятельности, в отношении же к женщине – искусную кухарку. В этом, как отмечает Е.С. Гриценко, проявляется андроцентричность языка, выражающаяся в несовпадении смыслового объема категориальных контрагентов: «солдат – солдатка» (жена/вдова солдата) или «врач – врачиха», где мужская номинация – универсально применяемая, а женская – субстандартная [5, с. 220–221].

Андроцентричная семантика ФЕ может также конструироваться при помощи названий женского туалета, ассоциируемого с женщиной: *aimer / courir le cotillon* 'любить женское общество', 'волочиться за женщинами', *être pendu aux jupes de sa mère (de sa femme)* 'цепляться за юбку', 'быть несамостоятельным'; *s'attacher à la robe* 'цепляться за юбки', 'волочиться за кем-либо' [3]. ФЕ *laisser sa femme porter les culottes* 'позволить жене заправлять всем', 'стать подкаблучником' [3] с внутренней формой 'дозволить своей жене носить штаны' содержит лексему, называющую мужской вид одежды. Эта ФЕ создает образ сильной женщины и слабого мужчины, что вызывает негативную коннотацию. Тем не менее женщина в этой ФЕ находится в качестве объекта действия, то есть субъектность принадлежит мужчине, создавая, таким образом, андроцентричность, основанную на внутренней форме как префразеологического словосочетания, так и ФЕ.

Таким образом, артефактные метафоры, исторически связываемые с тем или иным полом, могут служить структурным маркером, на основе которого конструируется андромаркированная семантика ФЕ: *tomber de lance en*

quenouille ‘перейти по наследству в женские руки’ (буквально: упасть с копья на прялку) ‘угаснуть за неимением потомков мужского пола’; ‘перейти (попасть) в женские руки, в руки женщин’; ‘попасть жене под башмак’; ‘выродиться’, ‘прийти в запустение’, ‘угаснуть’ [3].

Антропомерное образное основание в составе ФЕ дает наибольший численный материал для анализа, что, в очередной раз, свидетельствует об антропоцентричности картирования окружающего мира и его андроцентричности: ср. *faire parler de soi* ‘заставить (за)говорить о себе’, ‘приобрести известность’ (о мужчине); ‘дать повод к разговорам’ (о женщине) [3]. Кроме того, во многих ФЕ, отражающих взаимоотношения полов, сохраняются объектность женщины и субъектность мужчины: *mettre à bien* ‘наставить на путь истинный’; ирон. ‘совратить, соблазнить женщину’; *mettre à mal / induire à (au) mal / induire à mal faire / porter à mal* ‘совращать с пути истинного’, ‘развращать’; ‘соблазнять женщину’ [3]. Антропоцентричность семантики ФЕ с антропомерным образным основанием опирается на переосмысление биологических, социальных, профессиональных, национальных и поведенческих характеристик представителей мужского и женского пола в разные периоды жизни и в различных социальных группах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Потебня А. А. Слово и миф. М. : Правда, 1989. 624 с.
2. Кириллова Н. Н. К вопросу о стереотипах во фразеологии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Гуманитарные и общественные науки. 2002. Т. 2, № 2. С. 129–140.
3. Новый большой французско-русский фразеологический словарь / В. Г. Гак, Л. А. Мурадова, И. А. Будницкая, И. П. Лалаев, Л. С. Ковшова. М. : Рус. яз., 2006. 1648 с.
4. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales [Electronic resource]. URL: <https://www.cnrtl.fr/portail> (accessed: 25.11.2021).
5. Гриценко Е. С. Язык как средство конструирования гендера : дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.19. Н. Новгород, 2005. 364 л.

Екатерина Владимировна Загороднева

кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского

Ekaterina V. Zagorodneva

PhD in Philology, Associate Professor of the Linguistic and Intercultural Communication Department,
Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shanskiy
katyazagorodneva@mail.ru